Вятка литературная

Литературно-художественный альманах

№ 6, Киров, 2021 год

Издается при поддержке
фонда «Культурное наследие Вятки»

ББК 84(2=411.2)6
УДК 821.161.1
В 99

Благодарим за помощь в издании этого номера альманаха президента фонда «Культурное наследие Вятки» В. В. Баженова

Главный редактор: Николай Васильевич Пересторонин

Редколлегия:
В. В. Баженов, В. Н. Крупин, Н. И. Перминова, Н. В. Пересторонин,
С. А. Сырнева, О. Л. Шуклина-Юрлова.

В 99 *Вятка литературная* : литературно-художественный альманах (посвящён 100-летию Кировского областного отделения Общероссийской общественной организации «Союз Писателей России») / гл. ред.-сост. Н. В. Пересторонин. – Киров : Кировская областная типография, 2021. – № 5. – 248 с. : ил.

ISBN 978-5-498-00852-3

Связь времён и перекличка имён через века и пространства, верность традициям и исторической правде остаются определяющими в жизни и творчестве многих из тех, кто стоял у истоков вятской словесности, кто служил и служит её развитию в последующие годы и десятилетия. Важными свидетельствами значимости этого союза и крепости всех единений являются публикации нынешнего, уже шестого выпуска альманаха «Вятка литературная»…

Литературно-художественное издание

Верстка С. С. Курбатовой
Корректор С. И. Матвеицева

Подписано в печать 20.12.2021. Формат 70x100 1/16
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 20,15. Тираж 200 экз. Заказ № 0592
ООО «Кировская областная типография»,
610000, г. Киров, ул. Ленина, 28.
Тел./факс: (8332) 38-34-34, www.gipkirov.ru

ISBN 978-5-498-00852-3

© КОО ООО «СПР», 2021

Содержание

От редактора
Николай ПЕРЕСТОРОНИН ____ 5

Поэзия
Алексей МИЛЬЧАКОВ ____ 8
Владислав ЗАБОЛОТСКИЙ ____ 11

Духовные скрепы
Вспоминая Е. Д. ПЕТРЯЕВА ____ 13
Наталья ЧЕРНЫХ ____ 14
Артём МАРКЕЛОВ ____ 19

Стихи
Надежда ПЕРМИНОВА ____ 33
Елена НАУМОВА ____ 37

Проза
Борис БОРИСОВ ____ 39

Ещё стихи
Евгений ЖУЙКОВ ____ 62
Владимир ТЕРЕНТЬЕВ ____ 66

Повесть
Александр КЛИНДУХОВ ____ 69

Свободная форма
Александр ВЕПРЕВ ____ 110

Членский билет ____ 114
Александр МОЛОДЦОВ ____ 125
Елена КОНОВАЛОВА

Живое слово
Татьяна ТУНГУСОВА ____ 128

Артём МАРКЕЛОВ

Кандидат исторических наук, член Союза писателей России Артём Владимирович Маркелов родился в 1970 году в городе Кирове (до 1934 года – Вятка). Окончил факультет журналистики Санкт-Петербургского государственного университета. В 2011 году защитил диссертацию «Местночтимые иконы и святые в церковно-общественной жизни российской провинции второй половины XVII – начала XX в. (на примере Вятской епархии)». Публикуется с 1986 года. Автор исторических, публицистических и журналистских публикаций в региональных и российских печатных изданиях, на интернет-ресурсах. В «Очерках истории Вятской епархии», вышедших в 2007 году, опубликовал не только отдельную главу по истории епархии XVII–XVIII веков, но и ряд приложений.

Автор книг «Живые иконы (Святые и праведники Вятской земли)» (Киров, 1999), «Золотой свет (Святыни и праведники Оричевского района)» (Киров, 2003), «Архиерейская дорожка (Материалы к жизнеописанию Ионы (Баранова), архиепископа Вятского и Великопермского)» (Киров (Вятка), 2005), «Русский путь (К 105-летию прихода Михаило-Архангельского храма с. Русское Вятской епархии)» (Киров (Вятка), 2006), «Первые новомученики Вятской земли. К 90-летию мученической кончины протоиерея Павла Дернова и его сыновей» (Киров, 2008), «Первые новомученики Вятской земли: к 95-летию мученической кончины протоиерея Павла Дернова и его сыновей» (Изд. 2-е, доп. и испр. Киров (Вятка), 2013), «Династия Романовых и Вятка. Век девятнадцатый. Век двадцатый» (Вятка (Киров), 2017), «Чтимые иконы и святые в жизни общества 2-й половины XVII – начала XX вв. (на примере Вятской епархии)» (Монография. Киров (Вятка), 2019). Лауреат Макариевской премии в номинации «История Москвы и историческое краеведение» (2021), премии «Вятский горожанин» (2006), премия имени профессора В. В. Болотова (Тверь, 2007).

В 2007 году награждён грамотой «За вклад в развитие историко-документальной православной литературы» Всероссийской литературной премии имени Александра Невского, учреждённой Свято-Троицкой Александро-Невской Лаврой при поддержке Союза писателей России.

Он открыл читающей России XIX века Святой Афон

Духовный писатель, вятский уроженец, иеросхимонах Сергий (Веснин), Святогорец

Наверное, есть два писателя с вятскими корнями, без которых невозможно представить всероссийскую литературу XIX века. Это Н. А. Дурова

и Святогорец иеромонах Серафим (позже иеросхимонах Сергий) Веснин. С Дуровой всё сложнее, так как и Сарапул, и Елабуга, с которыми связана её жизнь, хотим мы или нет, выпали из поля влияния современной Вятской земли. А вот имя Святогорца с Вяткой связано прочно. Наверное, в любой европейской стране он считался писателем первого ряда…

Семён (Симеон) Авдиевич Веснин родился 27 августа 1814 года ст. стиля в селе Пищалье Орловского уезда Вятской губернии (ныне Оричевский район Кировской области)[1]. Он стал седьмым ребёнком в семье бедного дьячка. В семье между детьми и родителями отношения были очень тёплые. Когда Семёну было 13–14 лет, с разницей в несколько месяцев умирают отец, а затем мать и брат.

После окончания семинарии Семён очень хотел пойти по монашескому пути, но, уступая настояниям брата, 20 января 1835 года женился. 11 февраля его рукоположили во священники. 3 декабря 1835 года у молодых супругов родилась дочь Анастасия, но всего через 10 дней, 13 декабря, умерла жена Анна. Ещё через полтора года, в августе 1837 года, маленькая Анастасия.

В 23 года потерять семью – впору отчаяться. Священник-вдовец принимает эти потери как Божию волю. В 1838 году отец Симеон совершает паломничество по святым местам, а августе 1839 г. в Вятском Успенском Трифоновом монастыре принимает монашеский постриг с именем Серафима. В 1843 году иеромонах Серафим (Веснин) прибыл на Афон, где 23 марта 1844 года принял схиму с именем Сергий.

Есть люди, волей судеб покидающие малую родину. После того, как становятся известными, они словно отрезают любое воспоминание о местах, с которыми были кровно связаны. Отец Сергий стремился к монашеству долго и искренне – и судьба его забросила далеко не только от Вятки, но и от России. Благодаря своим книгам он стал по-настоящему известен (при этом полностью избежав «звёздной болезни»). И хотя телом он был далеко от родной стороны, Вятка осталась для него живым сердечным ручейком, питавшим труды писателя и подвижника. Вятку отец Сергий помнил до последнего момента земной жизни.

В келейных записках Святогорца, составленных на Афоне, есть примечательный эпизод. Он относится, судя по всему, как раз ко времени, когда подросток Симеон стремительно осиротел, потеряв любимых родителей и брата. Святогорец писал: «<…> в юности моей, когда я ещё оканчивал курс учения, то увлекался товарищескими разгулами, <…> [я] горько сетовал и даже плакал о заблуждениях первого возраста и самых лучших лет, прося Господа и Богоматерь <…> управить стопы мои на путь истины и правды, – раз я заснул, и мне представилось, что я быстро несусь от запада на восток. За мною была чрезвычайная тьма и ужасная дебрь, так что весь запад был в каком-то безжизненном, отверженном состоянии, а между тем восток играл светом. Мне казалось, что я из мрачной дебри вышел и быстро приблизился к храму на родине – в ту самую церковь, где я был крещён <…>. Радости сердца, восторгов духа и истинно райского блаженства всех чувств моих я не могу выразить, когда, обратившись на мрачный запад, увидел, что из такого страшного места я вышел… Весело и с умилительным чувством вступил я в тёплую церковь, имеющую два придела: правый во имя св. соловецких угодников Зосимы и Савватия, а левый – преподобного Сергия Радонежского; тёплую церковь я прошёл, не останавливаясь, а в холодной Троицкой стал посредине, не переставая радоваться духовно, и в этом положении проснулся.

"Видно, Бог велит мне жить у Троицы в Сергиевской лавре", – подумал я»[2].

Святогорец отмечал, что и спустя двадцать лет этот сон «так жив, что я, вспоминая его, и ныне прихожу в тихий восторг». 23 марта 1844 года сон сбылся, но по-своему: при пострижении в схиму пищальский уроженец был наречён Сергием в честь преподобного Сергия Радонежского[3].

«Тихий восторг» отца Сергия, наверное, объяснется ещё тем, что холодный придел в честь Пресвятой Троицы (во имя которой назвали весь храм села Пищалье) освятили в 1820 году[4]. То есть Симеону было всего шесть-семь годиков – и это событие, бесспорно, ярко запечатлелось в восприимчивом детском сознании.

Как запомнились и приходы в семью Весниных странника дедушки Андрея, чьи захватывающие рассказы о далёких монастырях заворожённо слушал маленький Симеон. Одержимы, вдохновившись повествованием дедушки, мальчик выдохнул: «"Уж я пойду в общежительный монастырь, в самый пустынный!" <…> "Ох, дите, дите! – ласково засмеялся дедушка. – Подрастёшь, так и на Афон уйдёшь!"»[5]

Эти слова спустя годы сбылись.

Афон – или Святая Гора. *Полуостров на юге Македонии у вод Эгейского моря. Подлинная монашеская строма с десятками обителей и скитов, в которых живут сотни иноков. По преданию, Афон находится под покровительством Пресвятой Богородицы[6].*

Когда говорят о писателе Веснине, часто ограничиваются его поэмой «Вани-вятчане», которая была написана в середине 1830-х годов. Но ведь это ученическая работа. Да, интересная с точки зрения этнографии, но, скажем так, для внутривятского

[1] Биографические сведения взяты из книги: Письма Святогорца к друзьям своим о Св. Горе Афонской. Б. м., б. г. (Репринтное воспроизведение издания 1895 г.).

[2] Письма Святогорца… . С. 513–514.

[3] Там же. С. 514.

[4] Центральный государственный архив Кировской области (далее – ЦГАКО). Ф. 1404. Оп. 1. Д. 5. Л.388.

[5] Письма Святогорца… С. 483.

[6] Полный православный богословский энциклопедический словарь. М., 1992. (Репринтное издание). Т. 1. С. 274–275.

употребления, не более. Например, и В. И. Белов, и А. И. Солженицын начинали как поэты. Но всё-таки Александр Исаевич прислушался к совету А. А. Ахматовой: «Пишите прозу. В ней вы неуязвимы». Да, Святогорец и впоследствии обращался к стихотворному жанру, но это было, если угодно, подспорьем для него. А в духовной прозе он достиг бесспорных высот.

В 1847 году, после четырёхлетнего перерыва, отец Сергий снова приехал с Афона в Россию для издания книги «Письма Святогорца к друзьям своим о Святой горе Афонской». «Письма Святогорца» уже в 1845 году начали публиковаться в журнале «Маяк» (в одной из справок говорится: «Афон выставил немало духовных писателей», – причём, отец Сергий (Веснин) назван наряду с такими великими православными святыми как преподобные Максим Грек и Паисий Величковский).

Как вспоминал позже вятский литератор М. С. Мусерский: «Отец Сергий, вятчанин по рождению и образованию, вятчанин по первоначальному пастырскому служению, был вместе с тем, как сдаётся сердцу, гражданином Неба, по своей кротости, смирению и любви»[7].

В этот приезд отец Сергий жил в Вятке, встречался с родными, надолго осел в г. Орлове, с которым его связывали не только духовные, но и личные воспоминания (уроженкой Орлова была его покойная жена Анна).

Порой в рецензиях проскальзывают замечания (со ссылкой на самого Святогорца), что он чуждался истории. Думаю, здесь проявилось смирение самого Святогорца, не более. Отзыв известного исследователя истории Востока и Афона епископа Порфирия (Успенского), казалось бы, подтверждает эту позицию: «Сергий был поэт, а не историк и не археолог. Речь у него чисто русская, приятная и инде увлекательная»[8]. Но если мы обратимся к первоисточнику, то у епископа Порфирия после приведённой цитаты есть очень жёсткое продолжение: «Но в сказаниях его об Афоне много ходячих бредней местных. Посему настоящим и будущим писателям о сей горе советую не увлекаться этими сказаниями. Грешно говорить ложь и неправду о таком святом месте, каков Афон. Эта гора привлекательна только под освещением исторической правды»[9].

Такая оценка Владыки Порфирия была сформирована под влиянием господствовавшего критического метода исследования, суть которого в следующем: историк должен принимать только те факты, которые выдерживают критику, в противном случае – решительно отвергать… А у Святогорца много преданий и эпизодов из духовной жизни, которые, бесспорно, вызывают раздражение для скептического рационального ума.

Я привёл цитату епископа Порфирия для того, чтобы показать, какие эмоции полыхают порой вокруг духовно-исторической прозы. Епископа Порфирия однозначно поддерживать не буду. Постараюсь посмотреть на Святогорца-историка не с афонской, а с нашей, вятской стороны…

Именно из его сочинений мы узнаем, например, о почитании в XIX веке архиепископа Ионы. Святитель Иона возглавлял Вятскую епархию в 1674–1699 гг. и вошёл в историю как основатель каменного строительства и вятского летописания, создатель монастырей. Владыка Иона прославлял иконы и святых (лично обрёл мощи преподобного Трифона Вятского), поддерживал развитие искусства церковной проповеди (которое было в тогдашней России в зачаточном состоянии). Сразу после кончины Ионы на Вятке началось его почитание. Но примеров конкретной молитвенной помощи зафиксированы единицы. Один – как раз у Святогорца.

Святогорец сообщал, что вятский живописец Х. был при смерти. Однажды вечером кто-то промолвил у его изголовья: отслужи панихиду по вятскому архиепископу Ионе, «а потом сходи помолиться к Иоанну Предтече, что близ Пустошенского села и будешь здоров». На следующее утро живописец был настолько полон сил, что дошёл до Свято-Троицкого кафедрального собора, где священник отслужил панихиду по архиепископу Ионе. После чего безнадёжный больной окончательно выздоровел[10].

В 1839 году с Ижевского завода иеромонаху архиерейского дома Серафиму писали о случае, когда во время пребывания крестного хода из Вятского Успенского Трифонова монастыря собравшиеся вместо молитвы начали обсуждать икону преподобного Трифона, мост закачался[11].

Очевидец события Покрышкин рассказывал: когда крестный ход уходил с завода, последний молебен служили на новом мосту о 96 сваях, построенном совсем недавно. «Провожание святых икон было до вышереченного моста. Народ не занял его половины. Но при чтении Евангелия мост начал шевелиться и, наконец, закачался так сильно, что протоиерея надобно было поддерживать, чтобы окончить чтение Евангелия. Сначала каждый думал про себя, что у него голова кружится, и друг на друга все посматривали испытывающим взглядом, но, наконец,

[7] Мусерский М. Воспоминания о Святогорце // Вятс. губерн. вед-сти. 1855, № 9. (отд. неофиц.). С. 70.

[8] Русский афонский отечник XIX–XX веков. Святая Гора Афон, 2012. С. 120–121.

[9] Порфирий (Успенский), епископ. История Афона в 2-х томах. М., 2007. Т. 1. С. 1013. Ради справедливости следует отметить, что и самого Владыку Порфирия его современники упрекали за то, что он, создавая «Историю Афона», «из историка превратился в летописца и вместо связного генетически-последовательного рассказа внутренней и внешней судьбы "монашеского Афона", дал нам несколько хоть и интересных, но голых и сухих фактов из той и другой, изложив их в хронологическом порядке» (Дмитриевский А. А. [Рец. на:] Восток христианский: История Афона. Ч. 3. СПб., 1892 // Византийский временник. 1894. Т. 1. С. 414).

[10] Маркелов А. В. Чтимые иконы и святые в жизни общества 2-й половины XVII – начала XX вв. (на примере Вятской епархии). Киров (Вятка), 2019. С. 309.

[11] Там же. С. 305.

дело дошло до того, что некоторые из женщин как слабейших попадали. Генерал распорядился согнать народ, но при окончании чтения остановилось трясение моста... Добрые христиане приписывают это к чуду преподобного за дерзкие и суемысленные о нём заключения»[12].

Объясню, почему эти эпизоды так важны. Дело в том, что в XVIII веке, с началом синодального периода свидетельства о чудесах, об исцелениях у икон или мощей святых почти полностью исчезли из православной жизни, из письменных церковных и исторических источников под давлением жёсткой политики светской и духовной власти в отношении «несвидетельствованных мощей», «суеверий и ложных чудес»[13] (нередко эта политика доходила до прямых гонений). Напуганное общество замолчало на несколько десятилетий. Только в первой половине XIX столетия подобные свидетельства стали постепенно возвращаться в православную жизнь и, самое главное, в историческую и духовную литературу. Одним из тех, кому обязаны этим, стал отец Сергий (Беснин). Вдвойне важно, что он сделал это, рассказывая как об истории Вятки, так и Афона. Потому что они были для него одинаково святы...

Во время пребывания в г. Орлове отец Сергий составил историческое описание местного Спасского монастыря. Рукопись, что хранится в нашем областном архиве, имеет два ценных автографа. Из первой надписи можно узнать, что игумен Анатолий свидетельствует о подлинности написанного, а из второй – епископ Вятский Неофит благословляет издать рукопись[14]. Благодаря этой рукописи, удалось выяснить несколько деталей, которые были убраны в печатной версии[15] (в том числе о путешествиях архиепископа Ионы по Вятской епархии).

Описание Орловского монастыря вышло в Москве на средства слепца Ширяева, о котором Святогорец из Вятки писал своим знакомым: «<...> увидите, каков он сокол. Это дивный слепец!»[16]

Вообще, ещё предстоит оценить в истории XIX века личность этого удивительного человека, который, судя по всему, на собственные средства и собранные пожертвования выпускал духовные книги и другую печатную продукцию. Примечательна заметка в журнале «Духовная беседа»: «Слепец Ширяев, предупредив (то есть опередив. – А. М.) всех зрячих, издал отлично отпечатанное изображение святых равноапостольных Кирилла и Мефодия и намерен пожертвовать по одному экземпляру этого изображения во все учебные заведения России»[17]. Говоря сегодняшними словами: грандиозный проект!

Свой последний земной приют Григорий Иванович Ширяев (1812–1875) нашёл на кладбище Петербургского Новодевичьего монастыря[18]. Того самого монастыря, куда отец Сергий приехал в 1850 году, чтобы переправить на Афон список с чудотворной иконы Божией Матери «Отрада», или «Утешение».

...Отец Сергий приехал из Вятки в Москву в самом начале 1850 года, а через несколько месяцев прибыл в Петербург, где отдельным изданием выходили «Письма...». В обществе его встретили более чем доброжелательно, уже зная по журнальным публикациям[19].

Но эти встречи могли и не состояться. Святогорец писал в своих келейных записках, что при отъезде из Вятки заболел: «Болезнь моя была убийственна <...>».

Отчаяние охватило путника. Но вечером 1 января 1850 года вдруг он услышал таинственный голос: «завтра день кончины о. Серафима, саровского старца; отслужи по нему заупокойную литургию и панихиду, – и он исцелит тебя». По просьбе отца Сергия литургия и панихида были отслужены, и только это было сделано: «Болезнь моя миновалась».

Стоит напомнить, что до прославления преподобного Серафима Саровского оставалось ещё целых полвека (его канонизация свершилась в 1903 году). Но в сознании православного народа уже в XIX веке батюшка Серафим был святым (как писал Святогорец: «искренне верую, что отец Серафим великий угодник Божий»)[20].

Новому русскому духовному писателю благоволили митрополит Санкт-Петербургский Никанор (Клеменьевский), который сам был не чуждый пера – в Александро-Невской лавре после его смерти остались шесть рукописных томов проповедей, слов и поучений[21], а также архиепископ Херсонский Иннокентий (Борисов) – его наследие также исчислялось многими сочинениями[22].

Особые отношения сложились у Святогорца с министром народного просвещения Платоном Александровичем Ширинском-Шихматовым, чей родной брат подвизался на Афоне иноком (старец Аникита). Святогорец позже писал Платону Александровичу, как побывал на могиле отца Аникиты.

Когда в начале 1870-х годов Фёдор Михайлович Достоевский внимательно постигал жития святых, в набросках «Жития великого грешника»

---

[12] Житие преподобного отца Трифона... // Отдел рукописей Кировской областной научной библиотеки им. А. И. Герцена. № 120. Л. 43 об. – 44.

[13] Подробнее об этом см.: Марков А. В. Указ. соч.

[14] ЦГИАЛ. Ф. 428. Оп. 1. Д. 4.

[15] Марков А. В. Указ. соч. С. 117–118.

[16] Письма Святогорца... С. 422.

[17] Духовная беседа. 1863. № 19. С. 40.

[18] Исторические кладбища Петербурга (Справочник-путеводитель). СПб., 1993. С. 401.

[19] Письма Святогорца... С. 507–508. Следует отметить, что Святогорец написал ряд духовно-исторических книг, посвящённых истории Афона.

[20] Там же. С. 518.

[21] Полный православный богословский энциклопедический словарь. М., 1992. (Репринтное издание). Т. 2. Ст. 1657.

[22] Там же. Т. 1. Ст. 945.

появился новый персонаж – Аникита. Историк В. М. Лурье считает, что его прототипом стал именно старец Аникита (в миру князь Сергей Александрович Ширинский-Шихматов), которого Достоевский хорошо знал по Петербургу. Об афонской жизни отца Аникиты Достоевский черпал сведения прежде всего из сочинений Святогорца[1].

В Москве Святогорец прочитал в «Северной пчеле» рецензию на свои труды и отметил: «Спасибо Булгарину: он отозвался о моём сочинении как нельзя лучше»[2]. А ведь «Северная пчела» была в то время самой популярной газетой – и, конечно, известность Святогорца увеличилась ещё больше. На протяжении 1850 года булгаринская газета опубликовала о книге Святогорца не один, а несколько откликов. Письма с Афона отец Сергий посылал Федору Бенедиктовичу целые пачки (и это, наверное, ещё один повод к тому, чтобы не назвать Булгарина одной чёрной краской).

В одном из откликов (№ 156 за 1850) рецензент отмечал: «Автор обладает тем качеством, которого не изучается ни в одной школе, но дано природою – талантом».

Интересно, что сам Булгарин в № 46 «Северной пчелы» за 1850 год противопоставил книгу Святогорца натуральной школе. Понятно, что это была сознательная экстраполяция вещи в натуральной школе описания и Гоголя с Достоевским. Но булгаринский пафос объясним: он показывал, что книга Святогорца является определённой высотой, к которой надо стремиться всем литераторам (эта духовная высота и привлекла ищущую натуру Гоголя).

Пресса, публикуя положительные отклики, дружно отмечала: автор не желал, чтобы его имя был известно, а сами книги публиковались «для уплаты долгов Русского Пантелеймоновского монастыря на святой горе Афонской» (то есть сам отец Сергий гонораров не получал).

Но самое поразительное следующее. В откликах звучит признание: тема Афона была для русского читателя неизвестна («Санкт-Петербургские ведомости», № 63 за 1850).

«Искренне сознаемся, что до настоящего времени мы ничего ещё подобного не читывали и даже не слыхали о святой горе», – честно и бесхитростно писал автор в «Ведомостях Московской городской полиции» (№ 85 за 1850 г.).

«У нас не было до сих пор сочинения, исключительно посвящённого святой горе», – констатировали «Отечественные записки» (№ 9 за 1850).

Особенно ценно прозорливое признание рецензента из «Санкт-Петербургских ведомостей»: «Письма Святогорца' доказывают утешительную истину, что христианство и чистое православие никогда не погибали и не погибнут, и надобно только обратиться к живому источнику св. горы, чтобы понять всю силу этой истины. Да, мы уверены, что 'Письма Святогорца' произведут благодетельный толчок для многих дремлющих духом».

Автор «Отечественных записок» обращал внимание на следующее обстоятельство: «Светский путешественник не был бы в состоянии изобразить внутренней, можно сказать, душевной жизни афонского братства, которая понятна вполне только тому, кто сам не чужд этой созерцательной жизни. Вот почему «Письма Святогорца» кажутся нам единственною в этом роде книгою».

В рецензии в «Москвитянине» (№ 8 за 1850) отмечалось: сила книги Святогорца, что он описывает современный Афон, и те удивительные и глубокие события, которые происходят там «на последнем, а может быть, и на нашем веке, и совершаются во имя нашего».

И в этих многочисленных признаниях самое главное достижение книги Святогорца.

Ещё в 1866 году журнал «Странник» писал о «Письмах Святогорца»: «В конце <...> 1850 г. эти прекрасные и в высшей степени поучительные письма изданы в пятый раз <...>»[1].

Что и говорить, завидная популярность... 150 лет спустя книги Святогорца выходят регулярно, и общие тиражи за эти десятилетия (столетие) уже трудно измерить.

Сегодня, спустя более полутора века, уже никто не может сказать, что афонская тема неизвестна, неведома. Создан целый корпус и научной, и духовной, и художественной литературы об Афоне. К истории Святой горы обращались такие писатели как Б. К. Зайцев и В. Г. Распутин. Но самая первая русская книга об Афоне – книга киевского Святогорца – не только не устарела, но заслуженно находит своего благодарного читателя.

В 1850 году отец Сергий близко познакомился с Н. В. Гоголем. Тема взаимоотношений Гоголя и Святогорца – одна из самых интересных. А. О. Смирнова в июне 1850 г. писала из Калуги И. С. Аксакову о Гоголе: «<...> если бог поможет ему получить паспорт за границу, он, вероятно, поселится в Афинах или на Афоне и кончит там второй том. На Афоне [...] он познакомился с автором Писем Святогорца и слепым [Г. И. Ширяевым], с которыми он виделся в Москве <...>»[2].

В апреле 1850 года Святогорец сообщал из Москвы игумену Антонию (Бочкову): «Сегодня вечер у меня был число литературный <...> Натешил Берлиев с литераторами Сушковым, с генеральскою звездою на груди, и тут же мой лучший друг, прекрасной по сердцу и чувствам Николай Васильевич Гоголь, один из лучших литераторов. Сужения были о моём пере все единогласно отдают честь моим талантам и сделали несколько замечаний на большость моей литературы.

[1] Лурье В. М. Записки «простого человека». Библейские представления позднего Достоевского // Христианство и русская литература. Сб. второй. СПб.: Наука, 1996. С. 299–309.

[2] Письма Святогорца. С. 451.

[1] Странник. 1867, март. Ч. 1. С. 128.

[2] Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание. В 3 т. Т. 2 / Издание подготовили И. А. Виноградов. М., 2012. С. 208–209.

<> Я в особенно близких отношениях здесь с графом Толстым, у которого принят как домашний, и который был губернатором в Твери... <> Граф Толстой прекрасного сердца и очень прост. По знакомству он выслал экземпляр моих писем одному из городских священников Тверской губернии, и тот читал мои сочинения в церкви вместо поучений на первой неделе Вел[икого] поста, о чём извещал графа. Много чести моему перу, сказал я графу, когда он извещал меня об этом»[27].

А ведь тверской священник – это не кто иной, как отец Матфей Константиновский, который сыграл важную роль в судьбе Гоголя (и далеко не такую зловещую, как, увы, принято думать до сих пор).

1 июля 1850 года Святогорец делился с неустановленным адресатом: «Я редко выезжаю, потому что меня удерживает дома корректура 2-й части Писем. Впрочем, жалею, что взял на себя эту работу. Справедливо мне говорил Гоголь Н. В., чтобы не брать на себя корректуры. Увлекаясь мыслию, я не вижу опечаток»[28].

К сожалению, Гоголь так и не приехал на Афон. 19 апреля 1852 г. Святогорец писал из Афонской Косма-Дамиановской пустыни: «Смерть Гоголя – торжество моего духа. Покойный много потерял и проиграл, – жаль его, и пора ему не отдых в райских обителях. Жаль только, что он не побывал у нас. Я очень любил его, в Одессе мы с ним видались несколько раз, и наше расставание было условное – видеться здесь. Судьбы Божии непостижимы! В последнее время его считали помешанным, за то, что он остепенился и сделался христианином. Вот ведь мирская-то мудрость! Толкуйте с миром!»[29]

15 августа 1852 года отец Сергий снова вспоминал о Гоголе: «За портрет Гоголя – спасибо. Покойный, расставаясь со мною в Одессе, дал слово – только съездить в Москву на лето, с целию издания своих творений, а потом к осени 1851 года прибыть на Афон. Таковы-то наши предположения! Думы за горами, а смерть за плечами!

Жизнь Гоголя поучительна: в последнее время он был строгим христианином, – и это радует меня. И Загоскин помер! Тяжёлый год для русской литературы! Любопытно слышать, как скончался Загоскин: так же христиански, как Жуковский и Гоголь?»[30]

Это задумчивое письмо Святогорца стало откликом на утраты, которые постигли русскую словесность в 1852 году: в феврале умер Н. В. Гоголь, в апреле В. А. Жуковский, в июне М. Н. Загоскин.

Чем же Святогорец оказался так близок Гоголю? Святогорец показал жизнь богаче и интереснее всех вымышленных сюжетов.

В «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н. В. Гоголь рассуждал, что «могла бы написаться всей толпой читателей другая книга, несравненно любопытнейшая "Мертвых душ", которая могла бы научить не только меня, но и самих читателей, потому что – нечего таить греха – все мы очень плохо знаем Россию».

«И хоть бы одна душа заговорила во всеуслышанье! Точно как бы вымерло всё, как бы в самом деле обитают в России не живые, а какие-то мёртвые души», – печаловался Николай Васильевич.

Труды Святогорца вдохновили Гоголя именно тем, что в них не мёртвые, а подлинно живые души. Удивительное единство двух творческих людей. И когда Гоголь поехал в Оптину пустынь летом 1850 года, то в письме графу А. П. Толстому сделал важнейшее сравнение: «Я думаю, на самой Афонской горе не лучше. Благодать видимо там присутствует»[31].

Книга отца Сергия повлияла на очень разных людей. Про Гоголя и Достоевского мы уже говорили. Юный Николай Добролюбов отмечал в своём дневнике в начале января 1852 года: «Превосходная книга. Так просто, искренне, чистосердечно, наивно, но вместе с тем умно и благородно рассказывает Святогорец»[32].

В начале 1850-х годов молодой вятчанин Семён Куртеев приехал поступать в Петербургскую медико-хирургическую академию. Неожиданно ему в руки попала книга Святогорца. Потрясённый ею, он резко поменял свою жизнь. Много странствовал по Руси, побывал на Афоне и даже сподобился жить в келье почившего о. Сергия (как только не перекрещиваются судьбы!)[33]. Впоследствии С. Куртеев основал вблизи Вятки Александро-Невский монастырь. Перенял он от своего заочного наставника и писательский дар: о. Стефан (так звали Куртеева в монашеском постриге) стал автором многих важных трудов, в том числе о преподобном Трифоне и блаженном Прокопии Вятских. 14 июля 2002 года преподобный Стефан прославлен в лике местночтимых святых Вятской епархии.

Книга Святогорца была настолько талантливо написана, что многие начинающие иноки, вдохновенные после её прочтения, стремились на Афон. Старцы Оптиной пустыни – одного из самых знаменитых российских монастырей – зная, что не каждому по силам вынести тамошнюю аскетическую жизнь, не благословляли своим монахам читать «Письма Святогорца». Но всегда признавали: «Книга эта хорошая»[34].

---

[27] Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников: Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание. В 3 т. Т. 3. М., 2019. С. 730.

[28] Там же.

[29] Там же. С. 731.

[30] Там же.

[31] Виноградов И. А. Летопись жизни и творчества Н. В. Гоголя (1809–1852). Научное издание. В 7 т. Т. 6. 1845–1850. М., 2018. С. 511.

[32] Добролюбов Н. [Дневник 1852 г.] // Добролюбов Н. Собрание соч. М., 1962. Т. 8. С. 665.

[33] Мариллов Я. В. Старец Стефан Филейский // Живые иконы: Святые и праведники вятской земли / С. Гомзяков, А. Мариллов. Киров, 1999. С. 85–91.

[34] Дневник последнего старца Оптиной пустыни иеромонаха Никона (Беляева). СПб., 1994. С. 287.

Причём, на людей влияли не только книги Святогорца, но и его личность, что, бесспорно, и должно быть с истинным писателем. Вот только два эпизода. После окончания Вятской духовной семинарии 20-летний Филипп Шубин поступил письмоводителем в архиерейский дом. Как раз в это время приехал с Афона отец Сергий. После долгих задушевных бесед с ним и раздумий Филипп решил принять священство. И надо же такому случиться: девушка, которую он выбрал себе в жёны, оказалась племянницей Святогорца. Как вспоминал на склоне лет отец Филипп, они ехали вместе с отцом Сергием в одно и то же село – каждый по своим делам и не делясь ими друг с другом. Каково же было их взаимное удивление, когда выяснилось, что им суждено породниться. Отец Сергий с радостью благословил молодых и до самой смерти переписывался с отцом Филиппом[35].

Даже в своём последнем письме с Афона 10 июля 1853 г. Святогорец не избежал вятской темы: «Нас вятчан здесь трое: бывший учитель А. И. П., а ныне, А., инок, и со мной отправившийся Л., ныне в иночестве А… Двое из вятчан – схимник Силуан, известный тебе Семен Никитич Косаткин и Елабужский почетный гражданин Пупышев, в схиме Митрофан сладко уже спят смертным сном на Афонской земле, на нашем кладбище.

Прощай и может быть навсегда!»[36]

Схимонах Силуан – вятский крестьянин Симон Никитич Касаткин (различие в написании фамилий было в то время делом обычным) – поступил в Свято-Пантелеимонов монастырь в 1850 году. Пострижен в схиму. В 1847–1850 гг. ездил для сбора пожертвований. Умер в 1853 году[37].

Схимонах Митрофан (Михаил Памфилович Пупышев) был из купцов Вятской губернии (по словам Святогорца, «Елабужский почётный гражданин»). Поступил в Свято-Пантелеимонов монастырь в 1850 году. Пострижен в схиму. Умер в 1857 году[38].

«Л.», про которого писал Святогорец – выходец из священнической семьи, выпускник вятской семинарии Алексей Любовиков, с которым Святогорец вернулся на Афон. И в этом глазовском юноше отец Сергий заронил стремление к монашеской жизни и сам стал его первым афонским наставником. Через некоторое время Алексей принял постриг под именем Аркадия. После смерти отца Сергия потрясённый Аркадий тяжело заболел. Не надеясь на выздоровление, его постригли в схиму – также под именем Аркадия. После этого дело пошло на поправку и вятчанин-афонец прожил ещё 57 лет (умер в 1908 году)[39].

Кто же «бывший учитель А. И. П., а ныне, А.»? Монах Азарий (в миру Александр Иванович Попцов) родился в городе Вятке. Он окончил курс богословия в Вятской семинарии и несколько лет преподавал греческий язык в одном из уездных духовных училищ. Его, как и многих современников, также поразили «Письма Святогорца». Его мечта сбылась, и он поступил на Афон в ноябре 1851 года, 17 декабря 1852 года принял постриг. Проходил послушание секретарём при российском посольстве в Солуни, в обители на клиросе, уставщиком и в библиотеке Русского Пантелеимоновского монастыря на Афоне. Его трудами монастырская библиотека не только была приведена в порядок, но и пополнилась многими рукописями и книгами. Отец Азарий также стал автором многих книг, которые известны уже нашим современникам. Назову только одну – «Вышний покров над Афоном». Умер отец Азарий в 1878 году[40].

Епископ Порфирий (Успенский) прямо называл Азария «продолжателем книжных трудов»[41] отца Сергия (Веснина), при этом также подвергая жёсткой критике, как и автора «Писем Святогорца»[42]. Наверное, и сильные, и, возможно, слабые стороны отец Азарий перенял у Святогорца. Но всё же вновь буду настаивать: Святогорец не поэт, а именно историк, активно включающий в свои тексты не только письменные источники, но предания далёкого и близкого прошлого. Что касается творческой преемственности отца Сергия и отца Азария, для каждого писателя важен последователь, а тут ученик и соратник ещё родом из милой Вятки!

Кончина отца Сергия была исполнена преднаменований. В 1853 году началась Крымская война, и многие афонские иноки, опасаясь турок, старались уехать в Россию. Решил переждать на Родине сложные времена и отец Сергий. Трижды он приезжал с вещами на пристань, но корабль приходил к другой пристани.

Особенно примечательна последняя, третья неудача. Накануне стало известно, что судно обязательно причалит к северной пристани. Туда и направился отец Сергий. Но ни утром, ни днём корабль не пришёл. А потом разыгралась сильная буря. И только следующим утром стало

---

[35] Флоров Н., священник. Пятидесятилетний юбилей о. Филиппа Евдокимовича Шубина в с. Кобра Котельничского уезда // Вятс. губерн. вед-сти. 1900, № 39 (прилож). Сын о. Филиппа Николай был известным земским деятелем в г. Котельниче (Чудова Г. Материалы о вятских деятелях и уроженцах. Киров, 1980. Ч. 1 (Машинопись). С. 125).

[36] Сочинения и письма Святогорца, собранные после его смерти. СПб., 1858. С. 226.

[37] Монахологий Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне. Святая Гора Афон, 2013. Том 2. С. 100.

[38] Там же. С. 101.

[39] Святогорец Дионисий (Юшков - Сарапульский). Старец схимонах Аркадий (Некролог) // Вятс. епарх. вед-сти. 1910, № 26. С. 203; Монахологий Русского Свято-Пантелеимонова монастыря… . С. 205.

[40] Монахологий Русского Свято-Пантелеимонова монастыря… . С. 196–199.

[41] Порфирий (Успенский), епископ. Указ. соч. С. 1013.

[42] Там же. С. 1014. Справедливости ради добавим, что отец Азарий за свои научные труды были избран членом-корреспондентом Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии (Монахологий Русского Свято-Пантелеимонова монастыря… . С. 197).

известно, что из-за непогоды корабль причалил, но к южной пристани. Батюшка сильно огорчился, но потом смирился, решив, что Царица Небесная не желает отпускать его с Афона. Спустя некоторое время, от переездов в непогоду, от ожидания корабля на пронзительном ветре Святогорец заболел. Ежедневно он исповедовался и причащался. И, наконец, 17 декабря 1853 года в полной памяти, попрощавшись с братией, творя молитву, отошёл в жизнь вечную.

На Афоне существует такой обычай: через три года после кончины могилу умершего разрывают. Если кости отошедшего в вечность собрата жёлтого цвета, то он не лишён милости Божией. Если тёмного, то монах имеет перед Богом некую вину. Тогда все иноки усиленно усердно молятся за своего несчастного брата.

Когда вскрыли могилу отца Сергия, кости оказались жёлтого цвета...[43]

Один из афонских иноков в письме 1881 года своему родственнику-священнику оставил следующее свидетельство: «В минувшем году являлся известный всем Святогорец. Он возвестил о себе, что до того Господь и Богоматерь милостивы к нему, что дали ему свободный доступ приносить пред Их велелепием прошения о других и благосердно исполняют их. Раз я задумал взяться в Великий пост за одно дело, казавшееся мне безвредным для души. Святогорец, явившись, укорял меня и повелительным тоном внушил мне оставить задуманное как бесполезное...»[44]

Вот так русский писатель, иеросхимонах Сергий (Веснин) уже своей посмертной судьбой вписал в духовную историю Афона ещё несколько бесценных строчек.

---

[43] Письма Святогорца. С. 510–511.

[44] «Святые дела Божии, Господи» (О чудесных видениях, знамениях, о помощи Божией людям). М., 2001. С. 36–37.